

ПРАВДА И НАДЕЖДА СОЛЖЕНИЦЫНА

Владимир Кантор — Ричард Темпест

В. К. Дорогой Ричард, думали ли мы, когда познакомились в самое советское время, что доживем до юбилея Солженицына в России, что ему поставят памятник в центре Москвы, а мы будем беседовать о его идеях?.. Отвечу за тебя — не думали. Но вот в связи с переменой его судьбы, признанием в России на самом высоком уровне, можем ли мы сквозь его порой страшную прозу о ГУЛАГе увидеть и попытаться понять исходную философскую, подчеркиваю, философскую задачу того, что он написал? А написал он очень много. И ведь во всех его художественных текстах явно звучит, проглядывает некая философская или, если хочешь, культур-философская установка. А именно: как найти консенсус двух зверей Апокалипсиса — Советского Союза и США? Об этом думал Сахаров. А Солженицын? Так ли он думал? Или мечтал о разрушительной войне, о разгроме СССР?

Р. Т. Начну с ответа на заключительную часть твоего вопроса. О войне Солженицын не мечтал, да и мечтать не мог. Он очень любил свое отечество и никогда не желал его уничтожения, несмотря на ненависть к коммунистическому режиму. В Нобелевской лекции он писал: «Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом». Его философская установка как художника подразумевает безусловный онтологический приоритет автора над художественным текстом, в противоположность эмпирическому скептицизму модернистов и тотальной бытийной иронии постмодернизма. Но как долго прожившая, изрядно пострадавшая и много познавшая личность, Солженицын был эмпириком. В «Круге первом» Глеб Нержин, самый автобиографический его герой, бросает: «Я делаю выводы не из прочтенных философий, а из людских биографий <...>». Добавлю, что сумму художественных и публицистических произведений писателя можно вычитать как развернутый комментарий к философскому канону от Платона до Ницше, причем авторские симпатии — на обеих сторонах. Например, в «Красном Колесе» авгур Павел Варсонофьев выписан как платоник, с глазными впадинами-«пещерами»: см. аллегорию о пещере в VII книге «Государства». В «Раковом корпусе» Олег Костоготов, любимый мой солженицынский персонаж, представлен как стихийный ницшеанец, восстающий против всякой власти — политической, медицинской, даже любовной — и выпускающий в своих партийных и беспартийных оппонентов десятки «изречений и стрел».

Это поначалу. Потом, после развала СССР, Солженицын начал искать способы вписать Россию в цивилизованный мир Запада. Если считать его цивилизованным...

В. К. Думаю, он все-таки считал его таковым, даже если в Гарвардской речи корил Западный мир за антропоцентризм и «падение мужества» и настаивал на особенной традиции духовности в России. Однако двадцать лет спустя, в интервью американскому исследователю Джозефу Пирсу, он сформулировал: понятие «Запад» подразумевает и Россию. Взгляды Солженицына не были статичны.

Какие предпосылки для вхождения России в цивилизованный мир он видел? Ведь не случаен был вопрос: «Как нам обустроить Россию?» Что ты об этом думаешь?

Р. Т. В названной тобой статье предлагалась формула: национальные традиции + закон. Но больше всего в этом тексте мне импонирует идея о многоступенчатых выборах. Нынешний всплеск популизма во всём мире подтверждает ее правоту.

Солженицын, как я понимаю, ориентировался на эпоху в истории России, когда она догнала Запад, конец XIX — начало XX столетия, когда к власти пришел Столыпин и попытался перестроить Россию на европейский лад. Солженицыну очень импонировали слова Столыпина: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Очевидно, что все революционные движения XX века чужды писателю, что даже диссиденты советского и постсоветского времени не вызывали у него особой симпатии, хотя многие из них почти молились на Солженицына. Они хотели в конечном счете разрушения государства. Он же, как Владимир Соловьев, как Столыпин, думал о необходимости государства для такой большой страны. Он был солидарен с Гоббсом, считавшим, что государство есть защита от хаоса первобытного состояния.

В. К. Не знаю, как на Западе, но в Советском Союзе, а потом в России в нем видели прежде всего лютого врага социализма, который о России думает мало. И вдруг уже с Запада зазвучали другие интонации — о необходимости, преодолев советизм, построить заново великую страну. Как ты можешь объяснить смену парадигмы?

Р. Т. Ввиду упадка СССР в 1970–1980-е годы и последовавшего его распада на составные части такая смена ракурса — именно ракурса, а не парадигмы — вполне объяснима.

В. К. *А как бы ты сформулировал его положительную программу преобразования — обустройства — России?*

Р. Т. Он хотел начать снизу и на местах, а не сверху и в центре. Надеялся, что вектор развития страны переместится на северо-восток. Но больше всего важна и достойна уважения мысль о «сбережении народа».

В. К. *Почему Солженицын выводит за пределы победителей самодержавия профессиональных революционеров? Значит ли это, что революция была совершена в феврале народом без вождей? Как же потом народ попал под власть диктатуры?*

Р. Т. Историческое положение, о котором ты говоришь, выведено в «Красном Колесе». В концепции Солженицына Февральская революция была спонтанным коллапсом существующей системы властных и культурных авторитетов, а не результатом стихийного восстания народных масс. Власть утратила веру в свою легитимность, а пресловутые скрепы перестали соединять и вдохновлять. Дополнительными факторами были отсутствие исторического мышления и чувства национальной ответственности у элит и невежество и нравственная ограниченность большей части низших слоёв населения.

В. К. *На что надеялся Солженицын?*

Р. Т. На то, что в России, несмотря на 70 лет национальной энтропии, сохранились умы и сердца, способные вывести ее на путь возрождения.